

Хоть Ци Дундуню и не повезло так, как Сы Жаню, который заполучил приглашение на шоу одним из первых, парню всё же улыбнулась удача. Он благополучно разминулся с командой Шан Яня на отборочных баттлах и сумел заскочить на подножку уходящего поезда, втиснувшись в рамки «Национального идола».

Зацепившись за самый хвост уходящего кастинга, он получил заветное уведомление и официально стал одним из ста одного трейни проекта.

В тот же вечер Чэн Цы и Ван Шаоцзюнь собрали всю команду заведения, чтобы поздравить всеобщего любимца — их младшенького. Сун Цзымо даже поднялся на сцену и спел для Дундуня песню в знак поздравления.

Ли Шуинь, впрочем, остался глух к чужому веселью: у него на уме были только подносы да грязная посуда, так что к общему празднику он примыкать не стал.

Когда гости разошлись, а клуб был убран, Шуинь на неслушающихся от усталости ногах поплёлся в общежитие.

Комната встретила его непривычной пустотой. За всё это время новеньких так и не подселили, зато старые жильцы съезжали один за другим. Уголок Ци Дундуня уже блестел чистотой: парень не только прибрал постель, но и спрятал свои вечные наушники. Завтра начинались съёмки, и вещи он собрал заранее.

Цинь Шусинь по привычке стоял на балконе с сигаретой. Клубы дыма окутывали его молодое лицо, придавая ему налёт какой-то не по годам тяжёлой, угрюмой зрелости. Услышав скрип двери, он затушил сигарету и повернулся к Ли Шуиню. Он смотрел с нечитаемым выражением.

Дундунь тоже услышал шаги и радостно затараторил:

— Брат, ты вернулся!

Ли Шуинь лишь коротко и глухо угукнул. Пройдя вглубь комнаты, он принялся стаскивать с себя рабочую одежду.

Под ней скрывалось сухое, поджарое тело — из тех, что выглядят изящно в одежде, но удивляют рельефом без неё: широкие плечи, узкая талия, чётко очерченные кубики пресса. Поперёк живота тянулся розоватый след от старого шрама, а линии над тазом уходили под резинку брюк. Настоящий концентрат мужской притягательности.

Дундунь, засмотревшись на его фигуру, невольно сглотнул, а затем смущённо улыбнулся:

— Брат, я тут тебе кусочек торта оставил.

— Не нужно, — отрезал Ли Шуинь.

— Да ты попробуй! — не унимался Дундунь. — Цзюнь-гэ специально для нас купил. Из «Чёрного лебедя», дорожный!

— Сказал же: не надо! — прикрикнул Шуинь.

Голос прозвучал резко, и Дундунь испуганно притих. Шуинь вымотался настолько, что даже дышать было трудно. Зачем к нему лезть с этими глупостями?

— Дундунь этот кусок специально для тебя берёг, сам толком не поел! С какого хрена ты на него срываешься? — Цинь Шусинь швырнул окурок на пол и сердито заступился за младшего. — Тебе достаточно просто смазливой рожей посветить, чтобы менеджер из Эл-Эс сам перед тобой стелился и умолял контракт подписать. А Дундунь каждую ночь до седьмого пота в зале пашет, и на него всем плевать. И ты после этого ещё нос воротишь? Гордишься, да? Слышь, убийца, ты с чего решил, что имеешь право презирать чужой труд?

Ли Шуинь молча швырнул снятую футболку в таз, открыл кран и принялся яростно стирать её под шум хлынувшей воды. Он не проронил ни слова.

Он всегда был таким — держался отстранённо, будто смотрел на всех с высоты своего неприступного пика. Словно он цветок на неприступной скале, а простые смертные недостойны даже коснуться его. Это молчаливое, едва уловимое высокомерие каждый раз больно било Шусиня по самолюбию.

Шусинь сжал кулаки. Ярость клокотала в его груди, грозя вырваться наружу. Ну как можно быть таким невыносимым ублюдком? Трудно, что ли, по-человечески ответить?

Цинь Шусинь шагнул вперёд и замахнулся для удара. Дундунь, заметив это, тут же бросился между ними:

— Эй, ребята, перестаньте! Это я виноват, не надо ссориться!

— Да он просто нарываемся! — крикнул Шусинь, пытаясь обойти парня. — С первого дня тут ходит со своей кислой миной! Каждое слово из него клещами тянуть надо. Раз такой дёрганый — давай подерёмся, хули ты на слабого отыгрываешься!

Шусинь начал стягивать футболку, но Дундунь мёртвой хваткой вцепился в него, не давая ходу.

В груди Ли Шуиня заворочалась глухая, горькая обида. «Каждое слово из него клещами тянуть надо...» Внутри всё сжалось от тупой, ноющей боли. Он не хотел жить, не то что разговаривать. Почему все требуют от него вежливости? Почему он обязан принимать чужую заботу, о которой не просил?

Дундунь может радоваться своему светлому будущему. А что ждёт его самого? День за днём бегать между этой конурой и клубом, проживая серые, одинаковые будни без единого просвета. У него был шанс пробиться, куда больший шанс, чем у Дундуня. Но дороги на сцену для него закрыты. Вместо этого он должен терпеть пьяные замашки клиентов, преодолевая тошноту оттирать чужую блевотину, счищать щёткой липкий крем с диванов и вручную собирать с ковра чёртовы семечки, которые не берёт ни один веник.

И после всего этого ада он должен натягивать фальшивую улыбку и искренне радоваться за других? С какой стати? Почему он вечно должен подстраиваться под чужие ожидания и терпеть этот негласный моральный шантаж? Если он не хочет брать то, что ему сулят, почему он обязан соглашаться?

— Драться хочешь? Ну так давай, шевелись! — Ли Шуинь с размаху бросил мокрую футболку обратно в таз, отодвинул его ногой и в упор уставился на Шусиня.

Жестяной таз с грохотом отлетел. Мыльная вода брызнула Шуиню на лицо и грудь, обдав ледяной свежестью. Он смотрел с глухой, звериной яростью. Его глаза налились кровью — казалось, ещё секунда, и лопнут сосуды. Этот дикий взгляд заставил Шусиня растерять весь свой запал.

Он медленно опустил кулаки и процедил сквозь зубы:

— Цзюнь-гэ велел тебе завтра проводить Дундуня на базу.

Шусинь развернулся и с силой хлопнул дверью.

Ли Шуинь выловил из мыльной воды мокрую одежду и швырнул её в мусорное ведро. Футболка упала на дно с глухим, тяжёлым стуком. Размашистым шагом он подошёл к кровати, шумно оттолкнув мешавший стул. Резкий металлический скрежет ножек по полу заставил Дундуня вздрогнуть.

Мальчик остался стоять посреди комнаты. Посмотрев на красивый торт, он молча сел за стол, взял ложку и принялся запихивать в себя кусок за куском. Через пару секунд его глаза заблестели от слёз, и они покатались по щекам. Он судорожно смахнул их ладонью, продолжая упрямо жевать и натягивать на лицо улыбку.

Крем был приторно-сладким. Настолько сладким, что отдавал горечью.

Слушая эти тихие, сдавленные всхлипы, Ли Шуинь уткнулся лицом в ладонь и бессильно закрыл глаза.

День выдался просто отвратительным. И когда только он успел превратиться в тварь, которая срывает злость на невинных? Почему его собственное бессилие заставляет его ненавидеть

чужой успех?

Собственная низость души вызывала у него глухое отвращение.

На следующий день, едва первые лучи солнца коснулись подоконника, Ци Дундунь уже был на ногах. Он старался двигаться бесшумно, аккуратно перетаскивая свои сумки. После вчерашней ссоры навязываться Ли Шуиню не хотелось — лучше сделать всё самому, благо он уже не маленький.

Пусть его семья и была небогатой, но родители души в нём не чаяли, да и в жизни парень до сих пор сталкивался лишь с добротой. Но вчерашний вечер открыл ему простую истину: далеко не все будут радоваться твоим победам. Иногда твоё счастье может стать для кого-то тяжёлым бременем.

Боясь потревожить чужой сон стуком колёсиков, Дундунь решил поднять огромный чемодан. Но тот оказался слишком тяжёлым и неудобным. Понимая, что сейчас выронит его и поднимет грохот на всю комнату, парень судорожно упёрся ногой в косяк, пытаясь удержать равновесие.

В этот момент над ним выросла высокая фигура. Ли Шуинь легко перехватил тяжёлую ношу и опустил её на пол.

Дундунь опешил и испуганно отвлёл взгляд.

— За вчерашнее... прости, — хрипло выговорил Шуинь.

Дундунь на секунду замер, а затем замахал руками и торопливо затряс головой:

— Нет-нет, ты что! Всё нормально, это я дурак... вечно лезу со своими глупостями. Я ведь не спросил, хочешь ты или нет, просто навязался со своими правилами. Извини меня.

Глядя на его виноватый вид, Ли Шуинь потёр виски. Голова раскалывалась.

— Цзюнь-гэ сказал мне проводить тебя.

— Ой, да не нужно! Правда, не стоит. Ты ведь поздно ложишься, поспи лучше. Сейчас доехать — вообще не проблема, такси вызову, водитель поможет донести.

Раньше Дундунь пользовался тем, что он самый младший и умеет ладить с людьми. Стоило улыбнуться, и все вокруг спешили ему на помощь. Но теперь всё изменилось. Нельзя вечно

выезжать на чужой жалости. Рано или поздно приходится взрослеть. Если можешь сделать сам — делай и не вешай свои заботы на других.

— Сходи лучше за баоцзы. А я пока умоюсь, — негромко прервал его Шуинь, прислонив чемодан к стене.

Дундунь уставился на него в недоумении:

— А?..

— Идти неохота?

— Нет-нет, я мигом! Тебе с чем взять?

— Без разницы.

— Хорошо...

Ли Шуинь не торопясь натянул чистую футболку и пошёл в ванную. В дверях он столкнулся плечом к плечу с Цинь Шусинем. Ни один из них не уступил дорогу, оба застыли, мерясь колючими взглядами.

В узком коридоре мгновенно стало нечем дышать от напряжения.

— Возвращайся побыстрее, — неожиданно нарушил молчание Шусинь, слегка посторонившись.

Шуинь удивлённо прищурился, но в ответ лишь едва заметно кивнул.

Раз уж Ли Шуинь съел принесённые Дундуном баоцзы, пришлось отрабатывать услугу. Мальчишка всю дорогу сидел ни жив ни мёртв, боясь лишний раз вздохнуть, чтобы не навлечь на себя гнев старшего.

Загрузив вещи в багажник, они забрались на заднее сиденье такси. Сели подальше друг от друга, оставив между собой приличный зазор.

Шуинь, освободившийся только в час ночи и поднявшийся ни свет ни заря, дико хотел спать. Едва машина тронулась, он прислонился виском к стеклу и закрыл глаза.

Дундунь, видя его измождённое лицо, уже сто раз пожалел, что согласился на эти проводы, но будить Шуиня не решался. С его-то непредсказуемым характером лучше не рисковать.

Он лишь вздохнул и тихонько жестом показал водителю ехать плавнее.

Однако не успели они выехать со двора, как задняя дверца распахнулась, и внутрь бесцеремонно втиснулось нечто ярко-розовое.

— А ну-ка подвинься, — скомандовал Сун Цзымо, наряженный в кричаще-розовый костюм, и бесцеремонно пихнул Дундуня бедром.

Тот от неожиданности потерял равновесие и повалился прямо на Ли Шуиня. Шуинь машинально подхватил парня за талию и перевёл тяжёлый, недовольный взгляд на незваного гостя. «Что ещё за фокусы?»

Сун Цзымо довольно усмехнулся, с грохотом захлопнул дверцу и победоносно вскинул подбородок:

— Цзюнь-гэ велел везти нас обоих. Одного из участников дисквалифицировали из-за какого-то грязного скандала, так что я иду на замену. Не ожидали?

«...»

Уж чего-чего, а этого Ли Шуинь точно не ожидал. Что это вообще за шоу такое, куда каждый встречный может попасть без мыла?

В следующее мгновение из дверей клуба показался Цзян Хао в окружении своей свиты. Парни гурьбой тащили пять огромных чемоданов и три пухлые дорожные сумки.

Багажник забили под завязку, ещё одну сумку кое-как пристроили на переднее сиденье, а оставшиеся две всучили в руки Дундуню и Шуиню.

Ли Шуинь тупо уставился на громоздкий баул, который ему пришлось обнять обеими руками.

Этот придурок явно ехал не на конкурс. Он ехал туда жить на ПМЖ.

Такси медленно скрылось за поворотом.

На верхнем этаже клуба у панорамного окна застыла высокая мужская фигура в чёрном.

Сквозь идеально вымытое стекло он смотрел на улицу глубоким, как ночной омут, взглядом. Он был холоден и сосредоточен.

Вскоре за его спиной послышался голос Ван Шаоцзюня:

— Всё сделано в точности так, как вы просили. Будут ещё какие-то распоряжения?

Мужчина взял со стола стакан рокс. Тонкие, изящные пальцы слегка коснулись стекла, издав чистый, хрустальный звон.

— На сегодня — всё.

Золотистая жидкость мягко качнулась у края бокала. Мужчина вдохнул едва уловимый аромат дорогого алкоголя, на секунду улыбнулся и поставил стакан обратно, так и не сделав глотка.

Ван Шаоцзюнь с любопытством понаблюдал за этим:

— Не нравится?

Мужчина небрежно взъерошил свои пепельно-серые кудри и лениво, с мягкой усмешкой протянул:

— У меня дома строгие правила. До совершеннолетия пить нельзя.

<http://bllate.org/book/20478/2132408>